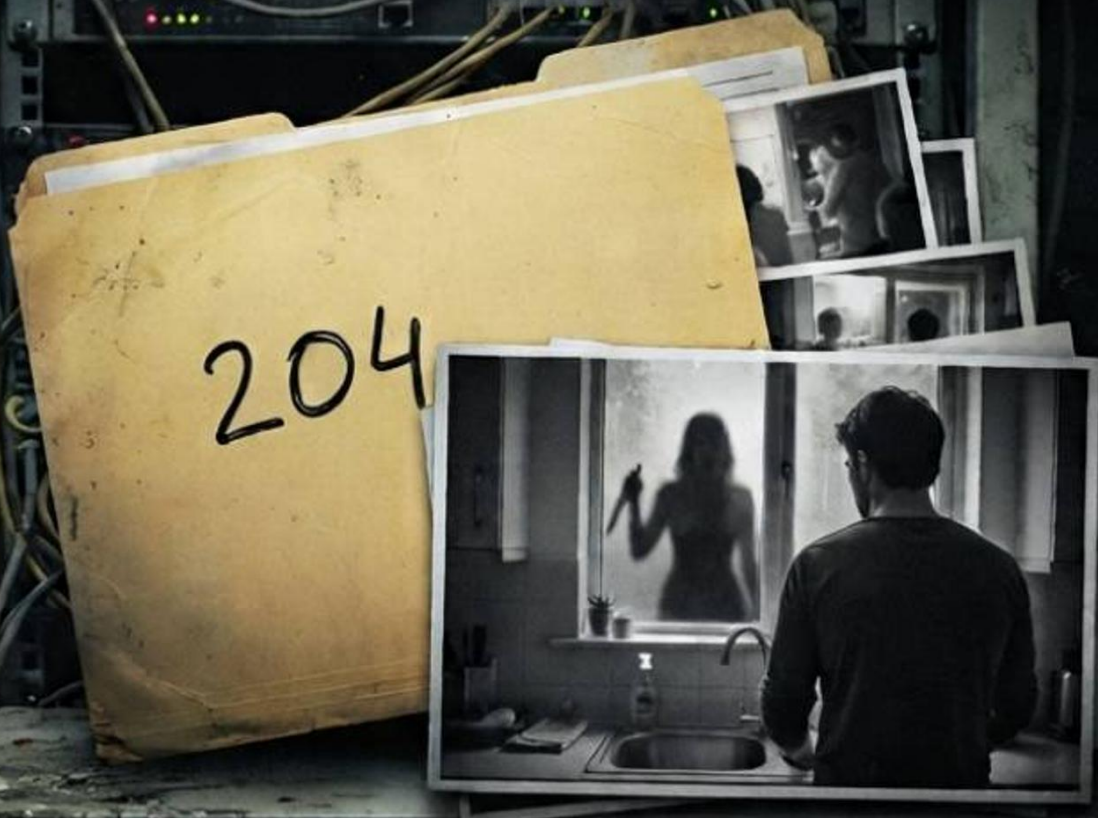

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 14

Папка 204

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Папка 204

«Автор»

2026

Карадениз М.

Папка 204 / М. Карадениз — «Автор», 2026

Системный администратор Егор Серебряков получает скучное задание — разобрать старый сервер в подвале администрации. Вместо устаревших файлов он находит скрытую папку без названия. Там — досье на всех жильцов его дома. Фотографии, сделанные через окна. Списки перемещений. Тридцать лет наблюдения. Егор видит своё имя. И дату, которая ещё не наступила. Кто-то следил за ним и его соседями десятилетиями. Кто-то вёл список целей. И кто-то продолжает, даже когда Егор начинает задавать вопросы. Единственный, кто мог знать правду, мёртв. А следующая дата в папке — это дата смерти Егора. Сегодня — ноябрь. А на календаре у него отмечено 28 февраля. Теперь он не просто наблюдатель. Он — следующий в списке. И стена, за которой кто-то ждёт. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. СЕРВЕР В ПОДВАЛЕ	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Папка 204

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Ноябрь в Вологде — серый, мокрый, холодный. Снег шёл с утра, к вечеру не прекратился. Он падал крупными хлопьями, ложился на асфальт, на крыши, на плечи редких прохожих, которые спешили домой, укрываясь в воротники и шарфы. Улица Ленинградская к одиннадцати вечера опустела. Только свет фонарей дрожал в снежной каше, да где-то далеко, за домами, выла сирена — скорая или полиция, в этом городе различить было сложно.

Женщина в тёмном пальто вышла из автобуса на остановке «Улица Ленинградская». Сошла с подножки аккуратно, встала на мокрый снег, поправила воротник. Пальто было длинное, чёрное, почти до щиколоток, на меховой подкладке. Снег оседал на плечах, таял, превращался в капли, которые она стряхивала движением левой руки. В правой она держала ключ. Металл остыл до температуры улицы, и она чувствовала холод через тонкую перчатку.

Она не торопилась. Дом 14 стоял в глубине двора, за палисадником с голыми кустами. Подъездная дверь — старая, деревянная, обитая железом, — была закрыта. Но замок у неё открылся с первой попытки. Ключ подходил ко всему в этом доме.

Внутри пахло сыростью, мокрым бетоном и чужим табаком. Кислый, дешёвый запах — кто-то курил в подъезде, несмотря на запрет. Окурки лежали на ступеньках, прилипли к плитке, превратились в чёрные пятна. Женщина перешагнула через них. Ступени скрипели под её весом — негромко, ровно. Она шла по лестнице, как по знакомому маршруту. Каждый поворот, каждая площадка, каждая царапина на перилах — всё было изучено, всё было своё.

Лампочка на втором этаже мигала. Она вышла на площадку как раз в тот момент, когда свет погас. Темнота. Где-то сверху хлопнула дверь, и послышались шаги — медленные, тяжёлые, мужские. Женщина замерла. Прижалась спиной к стене. Вдохнула через нос, выдохнула через рот. Пальцы сжали ключ сильнее. Шаги стихли. Дверь на четвёртом этаже закрылась. Свет снова мигнул и загорелся.

Она продолжила подъём. Девять ступеней до первой площадки, десять до второй, одиннадцать до третьей. Там, на третьем этаже, дверь с номером 7.

Табличка на двери была покосившейся, буквы «КВ. 7» выцвели почти до белого. Под табличкой — царапина от ключа, глубокая, старая, прорвавшая краску до металла. Рядом висел звонок, но она не стала нажимать. Ключ был у неё. И не просто ключ — тот самый, который открывал этот замок, а не соседний. Она это знала, потому что дверь уже открывала этим ключом. Три дня назад.

Она вставила ключ в скважину. Точно. Без колебаний. Металл вошёл до упора, и она почувствовала, как механизм принимает его — ровно, без заеданий. Повернула. Сердечник щёлкнул, мягко, почти беззвучно.

Дверь открылась внутрь, в прихожую. Тёмную, тесную. Пахло человеком — потом, одеколоном, горячим пластиком от компьютера. И ещё чем-то сладковатым, как от чая. Она перешагнула порог и закрыла дверь за собой. Прижала плотно, прислушалась к замку — он встал на место. Щелчок был тише, чем при входе.

Прихожая была маленькой. Вешалка с курткой и шарфом — куртка болоньевая, синяя, с потёртым воротником. Пара кроссовок у стены, большие, мужские, сорок третий размер. Зонт в углу, сложенный, чёрный, с обломанной ручкой. Всё как обычно. Всё как всегда.

Из комнаты пробивался жёлтый свет. Тёплый, слегка мерцающий — настольная лампа, дешёвая, с пластиковым абажуром. Свет падал на пол полосой, узкой, дрожащей. Женщина ступила на неё. Подошва скользнула по голому полу, но она удержала равновесие.

Она прошла в комнату.

Мужчина сидел спиной к ней. Ссутулившись. Волосы короткие, тёмные, на затылке — проплешина, почти незаметная. Шея напряжена, на ней родинка, тёмная, круглая, чуть левее

позвоночника. Он был в наушниках — больших, чёрных, с оголовьем, закрывающих уши. Из динамиков слышалась музыка — электронная, с ровным битом, как пульс. Ритм, повторяющийся, монотонный.

Он сидел, не двигаясь. Только пальцы левой руки изредка постукивали по клавиатуре. На экране ноутбука — папка «204». Открытая. Женщина видела её через плечо мужчины. Свет лампы падал на экран, подсвечивая строки, столбцы чисел, даты. В верхней части — фотография.

Она замерла, увидев снимок. Мужчина на кухне. Стоит у мойки, руки в воде, на заднем плане белый кафель, чайник на плите, окно с занавеской. Снимок был сделан снаружи, через стекло, в вечернем свете. На подоконнике стояла тарелка. Снимок был чётким, сделанным с хорошей камеры — зеркальной, с зумом. Она знала, потому что сама его делала.

Под фотографией — текст. Имя: Серебряков Е.П.

Мужчина потянулся к кружке. Чашка с чёрным ободком, стоящая справа от ноутбука. Он нашёл ручку пальцами, не глядя. Пальцы сжались на керамике, и он поднёс кружку к губам, сделал глоток, поставил обратно. Всё не отрывая взгляда от экрана. Пальцы снова легли на клавиатуру. Музыка была по ушам, но он не слышал ничего вокруг. Наушники закрывали мир.

Женщина стояла в двух шагах от него. Он не знал. Он не чувствовал. Он был в своей папке, в своём ритме, в своей тишине. Она смотрела на его затылок, на родинку, на проплешину. Видела, как двигаются его плечи под тканью футболки. Ровно, спокойно. Он дышал.

Она вынула нож.

Лезвие было чёрным, матовым, без бликов. Не блестело даже в свете лампы. Длина — около двадцати сантиметров, узкий клинок. Рукоятка обмотана чёрной изолентой, потёртой, старой — видно было, что нож не новый, что его использовали не раз. Она сжала рукоятку. Пальцы легли плотно, до хруста в суставах. Костяшки побелели от напряжения.

Она шагнула вперёд. Один шаг, второй. Беззвучно. Подошва на резиновой подошве не скользила. Она встала прямо за ним. Видела его шею — слева, чуть ниже уха, между позвонками и трахеей. Мягкая ткань. Место, где нет костей. Одно точное движение.

Она занесла руку. Размах короткий, почти без замаха — она знала, как бить. Удар должен быть быстрым и глухим. Лезвие вошло без сопротивления — мышцы, кожа, сосуды. Нож ушёл по рукоятку, вонзился в мягкую ткань между позвонками. Мужчина дёрнулся. Всё тело — резкая судорога, одна, сильная. Пальцы вцепились в край стола, ногти скрежетнули по дереву.

Она вытащила лезвие рывком. Кровь хлынула из раны — тёмная, густая, горячая. Она потекла по шее на ворот футболки, на плечи, залила клавиатуру. Жидкость зашипела, попала между кнопками, затекла под мышку ноутбука. Потоки крови смешивались с потом, с кожным салом, текли на стол, капали на пол.

Мужчина упал. Сначала колени ударились о пол — звук глухой, тяжёлый. Потом грудная клетка встретилась с полом, и тело осталось лежать лицом вниз. Голова повернута вправо, к двери. Глаза открыты, застыли. Рот приоткрыт. Наушники сбились на шею, всё ещё играли музыку, но ритм сместился, стал неровным, шумным.

Женщина стояла неподвижно. Смотрела на тело. Кровь растекалась по полу — тёмное пятно, быстро увеличивающееся, ползущее к её ногам. Она шагнула назад, но след остался — отпечаток подошвы в багровом. Она посмотрела на свои руки. На пальцах — кровь, липкая, тёплая. Она вытерла их о рукав пальто. Кровь не смылась, только размазалась, оставила бурые следы на чёрной ткани. Она вытерла лезвие ножа о сухую часть рукава — два движения, методично, в одну сторону, потом в другую. Нож стал чистым. Она убрала его во внутренний карман.

Она нагнулась к телу. Обшарила карманы куртки — левый, правый. В правом нашла флешку. Чёрная, без маркировки, стандартный корпус, без гравировки, без наклеек. Она сжала её в ладони. Проверила, на месте ли. И сунула в свой карман пальто.

Потом она подошла к двери. Вытерла ручку — снаружи и изнутри. Сначала мокрой тканью рукава, потом — сухой частью, чтобы не осталось влажных следов. Вытерла замок, ключевину, пластину. Тщательно. Каждый миллиметр.

Она вышла в прихожую. Закрыла за собой дверь, провернула ключ. Не глядя на тело, не глядя на стол. Только на замок, на ручку, на петли. Всё было чисто.

На лестнице она остановилась. Лампочка всё так же мигала — жёлтый свет, темнота, жёлтый. Где-то сверху плакал ребёнок, женский голос успокаивал его. На первом этаже что-то упало — глухой звук, похожий на тяжёлую книгу. Женщина не обернулась. Она пошла вниз.

Мимо третьего этажа, мимо второго, мимо первого. Прошла мимо двери в квартиру 1. Прошла мимо своей двери — не остановилась, не сбавила шаг. Вышла через подъездную дверь, толкнув её плечом. Снег ударил в лицо.

Она остановилась на крыльце. Вдохнула. Холодный воздух обжёг лёгкие, смешался с металлическим привкусом во рту. Снег падал на плечи, на волосы, таял на коже, смешивался с потом. Она поправила пальто, подняла воротник, скрывая мокрое пятно на рукаве. И пошла вниз по улице, к светофору.

Снег заметал следы за ней. Через минуту их не осталось.

Она не оглядывалась.

ЧАСТЬ 1. СЕРВЕР В ПОДВАЛЕ

ГЛАВА 1

Подвал администрации пах плесенью, старыми бумагами и машинным маслом. Егор спускался по бетонным ступеням, переступая через лужи, которые никогда не высыхали. Вода на полу была мутной, с ржавым оттенком, отражала тусклый свет единственной лампочки. Каждый шаг отдавался эхом — глухим, тягучим. На стенах — зелёные разводы, на потолке — паутина, серая и липкая. Коридор уходил в глубину, к трём дверям. Комната 3. Серверная.

Он отпер дверь своим ключом. Металл скрежетнул, замок поддался не сразу — внутри было сыро, механизм заржавел. Егор толкнул дверь плечом и вошёл. Внутри было душно, жарко. Воздух стоял спёртый, тяжёлый. Гудел сервер — низко, ровно, с присвистом. Старый, 2005 года выпуска. Вентиляторы работали с перебоями: то набирали обороты с пронзительным визгом, то затихали до едва слышного гудения. Корпус был покрыт пылью в палец толщиной. Пыль была везде — на проводах, на мониторе, на столе, в воздухе. Она оседала на одежду, на волосы, на кожу, оставляла липкое ощущение.

«Разобрать и выбросить», — сказал начальник утром. — «Деньги на новый дали. От этого барахла никакого проку». Начальник не любил старое. Новое — всегда лучше, так он говорил. Егор не спорил. Спорить с начальником было бесполезно.

Он снял крышку сервера. Пыль взметнулась облаком, осела на футболке, попала в нос. Егор чихнул, вытер лицо рукавом. Кабели — жёлтые, серые, синие — сплетались в клубок, тянулись к блоку питания. Некоторые были оголены, изоляция потрескалась. Он провёл пальцами по одному из них — резина крошилась под пальцами, оставляла чёрные следы. Он отключил питание, подождал минуту. Снова включил. Вентиляторы загудели громче, завывали на высокой ноте. Монитор рядом — старый, квадратный, с выцветшей матрицей — засветился с задержкой. Сначала экран был серым, потом на нём проступили линии, чёрные буквы, приглашение к входу.

Егор привычно набрал пароль администратора. Руки двигались автоматически, пальцы помнили клавиши. Система загружалась медленно — долго висела заставка Windows, потом рабочий стол, потом значок «Мой компьютер». Жёсткий диск щёлкал, шуршал, файлы открывались с задержкой. Егор копался в структуре папок, открывал неоткрытое. Начальник велел проверить, что осталось, убрать лишнее, переписать базы. Рутинная работа. Он делал это сотни раз. За двадцать лет работы системным администратором он перебрал сотни старых дисков.

На диске D он нашёл папку, которая не имела названия. Пустое поле. Просто иконка жёлтой папки без надписи. Рядом — другие папки, названные «Архив-2003», «Бухгалтерия», «Отчётность». А эта — без имени. Создана — 14.11.1996.

Егор замер. 14 ноября 1996 года. Почти тридцать лет назад. За три дня до его рождения. Он родился 17 ноября 1996 года. Эта папка была старше его на три дня.

Он кликнул по иконке. Система запросила пароль. Поле ввода мигало — чёрный курсор на белом фоне.

Он подумал. Кто создавал папку в 1996? Администратор того времени, Пётр Ильич — он ушёл на пенсию в 2005, умер в 2012. Егор не знал его привычек, не знал паролей. Но на старых машинах часто оставляли стандартные. 1234. Админ. 0000. Он перебрал в уме.

Ввёл 1234.

Папка открылась.

Внутри не было файлов. Внутри были папки. Девять штук. Каждая — без названия. Только номера: 7, 6, 4, 2, 1, 9, 10, 11, 12.

Егор посмотрел на них. Номера ничего не говорили ему. Просто цифры. Могли быть кодами, датами, идентификаторами. Он открыл папку «7».

Внутри — фотографии. Снимки мужчины. На лестнице, на улице, у подъезда. Егор узнал его сразу. Виктор Широков. Сосед из квартиры 7. Живёт на втором этаже, программист, в подъезде они иногда перекидывались парой слов. Егор сглотнул. Номер папки совпадал с номером квартиры.

Он закрыл «7». Рука дрогнула. Открыл «6».

Фотографии пустой комнаты. Шкаф, стена, пол. На снимках — чьи-то руки в чёрных перчатках, двигают мебель, сдвигают шкаф. На пыли — свежие следы. Егор узнал квартиру. Шестая. Пустует. Хозяин в доме престарелых. Но кто-то был там. Недавно.

Он открыл «4». Роман. Сосед. Снимки его машины, его встреч с Настей. Номер совпадал с квартирой 4. Егор понял. Номера — это квартиры. Все. Седьмая, шестая, четвёртая, вторая, первая. И верхние — девятая, десятая, одиннадцатая, двенадцатая. Все квартиры дома. Все жилыцы.

Он сел ровнее. Сердце билось быстрее. Открыл «2». Квартира 2. Петров Алексей. Егор знал его по старым рассказам соседей — мужчина умер в 2008 году от инфаркта. В папке были фото Петрова — молодой, спортивный, бегаёт по утрам. И медицинские справки: здоров, сердце в порядке. Внизу — приписка, от руки, не напечатанная: «Дигоксин. Доза — 2 мг. Смерть через 4 часа».

Егор сглотнул. Дигоксин. Он слышал это слово. Сердечный препарат. Передозировка останавливает сердце. Без следа.

Он открыл папку «1». Квартира 1. Галина. Соседка, старушка, которая приносила ему пирожки по воскресеньям. В папке — пусто. Только один файл. Текст. Он открыл: «Объект активен. Наблюдение продолжается».

Егор закрыл файл. Пальцы дрожали. Он сжал их в кулак, разжал. Открыл «9», «10», «11», «12». Четвёртый этаж. Пустующие квартиры. Везде — досье. Фотографии людей, которые переехали, умерли, пропали. И везде — приписки. «Дигоксин», «Сердечная недостаточность», «Инфаркт». Люди умирали в этом доме. И кто-то знал об этом. Планировал. Записывал.

Егор провёл пальцами по столу. Пыль липла к влажной коже. Он стряхнул её, вытер руку о джинсы. Смотрел на экран. Под всеми папками, в самом низу, он увидел ещё одну. Без номера. Просто — «Серебряков».

Он кликнул на неё. Дважды. Папка открылась.

Внутри — его фотография. Вчерашняя.

Он стоял у кухонной мойки. Руки в воде. На заднем плане — чайник, белый кафель, занавеска. Снимок был сделан снаружи, через стекло. Вечером. Егор узнал свет — лампу на кухне, тусклую, жёлтую. Он мыл посуду вчера после ужина.

Сердце стукнуло. Он отодвинулся от монитора. Холод пошёл по спине. Волосы на руках встали дыбом.

Он открыл фото полностью. Дата создания — 27.11.2025. Вчера. Время — 20:47. Он мыл посуду вчера в 20:47. Кто-то стоял снаружи, в темноте, и снимал его через окно.

В папке были ещё фотографии. Он на работе, сидит за компьютером. Он на лестнице, с сумкой. Он курит на крыльце. Он заходит в магазин. Все за последние две недели. Кто-то следил за ним. Систематически.

Егор закрыл папку. Монитор погас. Сервер замолк. Тишина. Только дыхание — частое, прерывистое.

Он достал флешку из кармана. Чёрную, старую, с царапиной. Вставил в USB. Копирование заняло двадцать секунд. Он смотрел на зелёную полоску, не двигаясь.

Когда всё скопировалось, он закрыл все окна, вышел из системы, отключил питание сервера. Вентиляторы остановились. Стало тихо — неестественно тихо. Только где-то наверху хлопнула дверь.

Егор сидел в темноте. Лампочка мигнула и погасла. Он смотрел на чёрный экран. В отражении видел своё лицо — бледное, с тёмными кругами.

Он встал. Ноги подкашивались. Опёрся о стену — холодную, влажную. Флешка лежала в кулаке, нагрелась от ладони. Он сжал её.

Вышел из комнаты, закрыл дверь. В коридоре темно. Пошёл на свет — к лестнице.

Наверху, в вестибюле, остановился у окна. Снег. Крупный, мокрый. Он прижался лбом к стеклу. Смотрел на окно своей кухни. Лампочка горела. Он забыл выключить. Сквозь снег он видел раковину, чайник, тарелку. Ту самую, которую мыл вчера.

Кто-то стоял там, снаружи. Вчера. С камерой. И снимал его. Потом зашёл в подвал, положил фото в папку.

Егор убрал флешку в карман, застегнул молнию. Вышел на улицу. Снег ударил в лицо. Он смотрел на окно. Свет горел жёлтым. И ему казалось, что в темноте, за стеклом, кто-то стоит. Там же, где вчера.

Никого не было. Просто снег.

Егор повернулся и пошёл к дому.

ГЛАВА 2

Квартира Егора пахла остывшим чаем и старыми книгами. Он сидел за кухонным столом, напротив окна, за которым падал снег. Флешка лежала перед ним на деревянной поверхности — чёрная, тонкая, с царапиной посередине. Он смотрел на неё уже пять минут. Не прикасался. Просто сидел и смотрел. Снег за окном падал крупными хлопьями, залеплял стекло, превращал двор в белое пятно. Где-то на улице проехала машина — шины зашуршали по свежему снегу, звук стих. В доме было тихо. Только холодильник гудел на кухне, да трубы в стене иногда постукивали — старые, ржавые, со своей жизнью. Егор перевёл дыхание. Втянул воздух носом. Пахло его квартирой — привычно, буднично: стиральный порошок, старая мебель, влага из ванной. Раньше этот запах успокаивал. Теперь он казался чужим. Он взял флешку. Металл был холодным, гладким. Он повертел её в пальцах, провёл большим пальцем по царапине. Вставил в ноутбук.

Экран засветился. Папка «204» открылась. Те же иконки, те же папки с номерами квартир. Егор открыл «Серебряков». Внутри — его фотографии. Он пролистал их быстро, не вглядываясь. Потом открыл корневую папку и начал искать.

Файлы были без имён. Просто даты и цифры. Он открыл первый — 14.11.1996. Текст. Рукописный сканер. Буквы неровные, чернила выцвели до коричневого. Егор прочитал: «Пётр Васильев, кв. 9. Объект устранён. Причина — сердце. Метод — дигоксин». Он закрыл файл. Открыл следующий — 19.03.1998. «Мария Серебрякова, кв. 5. Объект устранён. Причина — сердце. Метод — дигоксин».

Егор замер. Мария Серебрякова. Его мать. Он прочитал ещё раз. Слова были чёткими, без помарок. Напечатаны на старой клавиатуре — буквы неровные, с залипанием. «Мария Серебрякова, кв. 5. Объект устранён. Причина — сердце. Метод — дигоксин». Егор отодвинулся от стола. Стул скрипнул, ножки заскрежетали по линолеуму. Он сжал челюсти. Под глазами защипало. Он моргнул, сглотнул. Руки дрожали.

Мать умерла в 1998 году. Официальная причина — рак. Он помнил её больничную палату, белые стены, капельницы, запах лекарств. Ему было два года. Он не помнил лица. Помнил только холод, голос врача, отца, который плакал в коридоре. Рак. Написано в свидетельстве. Врачи говорили: поздно обнаружили, метастазы, ничего не сделать. А здесь — сердце. Дигоксин. Егор медленно перевёл дыхание. В груди сдавило. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, провёл ладонью по шее. Кожа была влажной, горячей. Он открыл следующий файл. 23.12.2005. «Павел Серебряков, кв. 5. Объект устранён. Причина — сердце. Метод — дигоксин».

Отец. 2005 год. Официальная причина — инфаркт. Врачи сказали: ослабленное сердце, работа, стресс, не выдержало. Егору было девять лет. Он помнил, как сидел на кухне, как соседи приносили еду, как Галина из квартиры 1 гладила его по голове и говорила: «Держись, Егорушка, ты теперь мужчина». Она приносила пирожки, чай, сидела с ним до вечера. Она была добрая. Она была рядом.

Он закрыл файл. Экран мигнул, загрузился следующий список. Егор открыл его. Там были фамилии. Семь. Васильев, Серебрякова, Петров, Серебряков, Широков, Михайлов, Кузнецов. Он пролистал. У всех — причина смерти: сердце. Метод: дигоксин. Даты — с 1996 по 2024. Семь человек за двадцать восемь лет. Егор посчитал. Семь. Ровно семь. Папок в сервере было девять. Две пустовали — Галина и квартира 6, старик в доме престарелых. Остальные — семь. Жильцы, которые жили в доме. Которые умерли. Все, кроме двух. Внизу страницы была приписка. От руки, шариковой ручкой. Он узнал почерк — тот же, что в досье Петрова. Тот же, что в папке «1». «Все цели достигнуты. Жильцы дома 14 очищены».

Егор смотрел на эту фразу. Буквы были круглыми, аккуратными, с нажимом. Кто-то старался. Кто-то писал медленно, выводя каждую букву. Словно подводил черту. Подводил итог. Он закрыл ноутбук. Крышка хлопнула, глухо. В комнате повисла тишина. Он встал. Ноги дрожали. Он подошёл к окну, провёл пальцами по стеклу. Пальцы оставили следы на влажной поверхности. На улице — снег. Свет фонаря падал на двор, на голые кусты, на скамейку. Никого. Пусто.

Егор вернулся к столу. Открыл ноутбук. Нашёл в браузере строку поиска. Пальцы дрожали, он печатал медленно, с ошибками. «Дигоксин». Страница загрузилась. Текст. Медицинские термины. Сердечный гликозид. Применяется при мерцательной аритмии, сердечной недостаточности. Передозировка — тошнота, рвота, головокружение, остановка сердца. Летальный исход — от двух до четырёх часов. В крови не определяется после шести. Токсикологическая экспертиза — сложная, требует специфических тестов. Егор читал, и холод разливался по телу. От кончиков пальцев до позвоночника. Дигоксин. Без следа. Идеальное орудие. Человек умирает от сердечного приступа, и никто не проверит. Зачем? Он здоров. Он не болел. Врачи скажут — внезапная остановка сердца. Спишут на стресс, на возраст, на образ жизни. Закопают. Забудут.

Он закрыл браузер. Открыл папку «204» снова. Пролистал файлы. Нашёл досье Галины. Пусто. Только одна строка. «Объект активен. Наблюдение продолжается». Он нашёл досье старика из квартиры 6. Тоже пусто. Только дата: 28.02.2026. Напротив — вопрос. Кто-то ставил его, задумавшись. Дата была недалёкой. Через три месяца. Егор посмотрел на календарь на стене. Ноябрь. Пластиковый лист, перекинутый на нужный месяц. Он купил его в сентябре, в «Пятёрочке», за девяносто рублей. Просто календарь. Просто даты. Он подошёл к календарю. Провёл пальцем по числам. Ноябрь, декабрь, январь, февраль. 28 февраля 2026 года. Через три месяца. Три месяца.

Он снова подошёл к столу. Сел. Флешка всё так же торчала из ноутбука, зелёный индикатор мигал. Он достал её, положил перед собой. Чёрная, тонкая, с царапиной. Внутри — семь смертей. Две цели. И дата. Егор смотрел на флешку. Потом поднял взгляд на окно. За стеклом — снег. Свет фонаря. И темнота за ним. Та же темнота, из которой вчера кто-то смотрел на него.

Он не слышал шагов. Не слышал звука. Но он почувствовал — кто-то на лестнице. За стеной. Движение. Тень под дверью. Он замер, не дыша. Смотрел на щель под дверью в коридор. Там было темно. Свет из кухни падал полосой на пол, не доходя до прихожей. Он встал. Бесшумно. Подошёл к двери, прижался ухом к дереву. Холодное, шершавое. Ни звука. Только стук собственного сердца в ушах. Он медленно, беззвучно, повернул замок. Щелчок — тихий, почти незаметный. Приоткрыл дверь на сантиметр. В коридоре — пусто. Только свет из кухни падал на пол, на старый коврик, на стену. Никого.

Егор закрыл дверь. Запер. Вернулся к столу. Сел. Смотрел на флешку. Потом перевёл взгляд на телефон. Старый, кнопочный, лежал на подоконнике. Он взял его. Пальцы набрали номер Галины. Старенький домашний, он знал его наизусть — когда-то, в детстве, она записала его на бумажке и приклеила к холодильнику. Гудки. Один, второй, третий. Четвёртый. Пятый. «Алло?» — голос. Сонный, старческий, с хрипотцой. Егор сглотнул. «Галина, это Егор».

Пауза. Секунда, две. «Егорушка, ты чего так поздно? Случилось что?» Егор смотрел на экран ноутбука. На закрытую папку. На флешку. Он открыл рот, хотел сказать — нашёл досье, дигоксин, семь смертей, ты знаешь, кто это сделал? Но слова застряли в горле. «Ничего, — сказал он. — Просто хотел спросить... Вы пирожки печь собираетесь?»

Тишина. Потом — смех. Сухой, каркающий. «Завтра, Егорушка, завтра. Приду к тебе. С чаем. Ты похудел, я гляжу». Егор сжал трубку. Пальцы побелели. «Приходите», — сказал он. И положил трубку.

Телефон лежал на столе. Экран погас. Егор смотрел на него, потом снова на флешку. Семь смертей. Мать, отец, Петров, Широков — Виктор, который умер сегодня. Он ведь не знал. Он не знал, что он в списке. Но кто-то знал. Кто-то вёл список. Кто-то очищал дом. Егор поднял глаза на стену, на старую фотографию отца. Отец стоял у того же сервера, что и Егор сегодня. В подвале. В пыли. Смотрел в камеру, улыбался. Егор смотрел на фотографию. И думал: отец тоже нашёл папку? Или ему сказали? Или он просто был целью?

Он взял флешку. Сжал в кулаке. Металл нагрелся. Он убрал её в нагрудный карман рубашки, застегнул пуговицу. Встал. Прошёл в прихожую, надел куртку. Посмотрел на дверь. Там, за ней, лестница, подъезд, снег. И кто-то, кто смотрит. Он открыл дверь и вышел.

ГЛАВА 3

Егор проснулся от голосов. Гулких, мужских, с металлическими нотками. Где-то рядом. В подъезде.

Он открыл глаза. Потолок — белый, с трещиной у люстры. Свет из окна — серый, утренний, с синевой. Снег не шёл. Небо было чистым, холодным, безоблачным. Егор моргнул. Прислушался.

Голоса доносились с лестничной клетки. Кто-то говорил громко, резко, с командными нотками. Другой отвечал — тише, спокойнее, с нажимом. Шаги. Тяжёлые, много. Несколько пар. Металлический лязг — что-то уронили на плитку.

Егор сел на кровати. Голова была тяжёлой, во рту — сухо, горько. Он не помнил, как уснул. Помнил только флешку, ноутбук, фотографию. И голос Галины в трубке. «Завтра, Егорушка, завтра». Он провёл рукой по лицу. Кожа была горячей, липкой.

Он встал. Пол под ногами был холодным — линолеум старого дома, с вытертым рисунком, ледяной. Он прошёл в кухню, глянул на часы — 8:47. Проспал. Раньше он никогда не просыпал. Будильник стоял на 7:30, но он его не слышал. Или отключил во сне. Или кто-то отключил. Он подошёл к окну. Во дворе стояла полицейская машина — белая с синей полосой, двигатель работал, из выхлопной трубы шёл пар, оседал на снегу. Рядом — ещё одна, серая, без опознавательных знаков, с тонированными стёклами. Двое мужчин в штатском стояли у подъезда, курили. Один смотрел в телефон, другой — на окна дома, подняв голову. Медленно, методично, как будто считал этажи.

Егор отошёл от окна. Сердце билось часто, глухо, отдавало в висках. Он натянул джинсы, футболку, носки. Ноги дрожали. Он вышел в коридор, завязал шнурки, открыл входную дверь. Приоткрыл на сантиметр. Вдохнул.

Пахло сыростью, холодом и чем-то ещё. Металлическим. Сладковатым. Егор узнал этот запах — кровь. Свежая. Он помнил его из детства, когда отец порезал руку на кухне — тёмная лужица на белом кафеле, запах железа, смешанный с мылом. И потом — в морге, когда хоронили мать. Холодный воздух, дезинфекция, и под всем этим — тот же привкус, тягучий, липкий, оседающий на языке. Егор сглотнул. Горло сжалось, сузилось.

На лестничной площадке второго этажа стояли полицейские. Трое в форме, двое в штатском. Дверь квартиры 7 была открыта настежь. Из неё тянулся свет — яркий, белый, не ламповый. Кто-то включил переносные лампы, они гудели, нагревали воздух. Кто-то в белом халате стоял на коленях у входа, фотографировал порог.

Егор спустился на пролёт. Остановился. Полицейский в форме повернулся к нему — молодой, с красным лицом, с бляхой на груди: «Вы здесь живёте?»

Егор кивнул. «Третий этаж, квартира 5. Что случилось?»

Полицейский помедлил, обернулся на дверь, потом снова на Егора. «Убийство. Сосед ваш. Виктор Широков».

Егор сглотнул. Горло пересохло, язык прилип к нёбу, он с трудом смочил губы. Он знал. Он уже знал. Папка, флешка, фотография. «Объект устранён». Виктор был в списке. Виктор должен был умереть. Он умер. И Егор смотрел на это с экрана ноутбука за два часа до того, как это случилось.

«Можно посмотреть?» — спросил Егор. Голос сел, прозвучал глухо.

Полицейский нахмурился. «Не положено. Отойдите, пожалуйста».

Егор не отошёл. Он стоял, смотрел в открытую дверь. Тело лежало в коридоре, лицом вниз, в луже крови. Виктор был в той же одежде, что вчера, когда Егор видел его в подъезде. Синяя куртка, джинсы, кроссовки. Голова повернута в сторону, к стене, глаза открыты, застыли, смотрели в угол. Рот приоткрыт. Под ним — тёмное пятно, растёкшееся по полу,

уже засохшее по краям, но в центре ещё влажное, тёмно-бордовое, почти чёрное. Шея была в крови, и Егор видел рану — узкую, чистую, с ровными краями, чуть ниже уха. Такой же удар, как на фотографии. Такой же, как в папке. Он узнал почерк. Кто-то делал это уже не в первый раз.

Он отвёл взгляд. Смотрел на пол. Рядом с телом, в метре, лежала флешка. Чёрная, тонкая, с царапиной посередине. Такая же, как у него. Такая же, как вчера на сервере. Он узнал её. Та же царапина, та же длина, тот же изгиб корпуса. Флешка лежала на боку, слегка заляпанная кровью, но чистая, без следов пальцев.

Полицейский в штатском подошёл к нему. Мужчина лет сорока, с короткой стрижкой, глаза усталые, под ними — мешки, на скулах — красные прожилки. Он показал удостоверение: «Майор Соколов, Следственный комитет. Вы знакомы с погибшим?»

Егор кивнул. «Соседи. Здоровались. Иногда курили на крыльце».

«Когда вы видели его в последний раз?»

Егор подумал. Вчера. Днём. Виктор возвращался с работы, они встретились в подъезде. Виктор был в хорошем настроении, улыбнулся, сказал: «Погода — дерьмо». Егор ответил что-то про снег. И разошлись. Виктор поднялся на второй этаж, Егор — на третий. Они не виделись больше.

«Вчера днём», — сказал Егор. «После работы».

«Вы слышали что-нибудь ночью? Шум, крики?»

Егор покачал головой. Нет. Он ничего не слышал. Он лежал в кровати, смотрел в потолок, держал флешку в руке, чувствовал, как нагревается металл от его пальцев. Но шагов не слышал. Дверь не скрипела. Ничего.

«Мы нашли флешку рядом с телом», — сказал Соколов. «Чистая. Без данных. Может, он сам её выронил».

Егор молчал. Он знал, что на ней было. Папка «204». Досье. Семь смертей. Две цели. Фотографии. Флешка не была чистой. Её стёрли. Или забрали содержимое. Или подменили на пустую. Кто-то был здесь ночью, убил Виктора, забрал флешку, оставил пустую.

«Соседи, — сказал Соколов, — вы что-нибудь знаете о его работе?»

Егор покачал головой. «Программист. В офисе. Не знаю, в какой компании».

Соколов кивнул, записал что-то в блокнот — крупные буквы, неровные. «Если вспомните что-то — звоните». Он протянул визитку, Егор взял её машинально. Бумага была шершавой, с отпечатком пальца — чей-то жирный след на углу, с заусенцами.

Егор убрал визитку в карман. Смотрел, как полицейские заносят тело в чёрный мешок. Двое мужчин в перчатках подняли тело за плечи и за ноги, мешок заскользил по полу, оставляя влажный след. Виктор исчез внутри пластика, и мешок застегнули с характерным звуком — треск молнии, резкий, сухой.

Егор повернулся и пошёл к себе. Каждый шаг давался тяжело. Ноги были ватными, в висках стучало, пульс отдавал в зубах. Он поднялся на третий этаж, остановился у своей двери. Посмотрел на замок. Целый. Без царапин. Он вставил ключ, повернул, зашёл, заперся. Прислонился спиной к стене. Стекло в прихожей было холодным, он чувствовал его через футболку.

В прихожей было темно. Он не включал свет. Стоял, смотрел на дверь, на замок, на ручку. Потом прошёл в комнату, к столу. Ноутбук лежал на месте, закрытый, крышка плотно прилегла к корпусу. Флешка — он оставил её на столе? Или убрал в карман? Он не помнил. Он помнил, как сжимал её в кулаке, как металл нагрелся, как она лежала на ладони. Но где она сейчас?

Он сел. Открыл ноутбук. Экран засветился, система загрузилась. Он сунул руку в карман куртки, висевшей на стуле — пусто. В карман джинсов — пусто. На столе — флешки нет.

Сердце забилось быстрее. Он обыскал стол, бумаги, открыл ящики. Перерыл папки, выдвинул все отделения. Нет. Флешка исчезла. Он проверил карманы куртки ещё раз, вывернул их, пощупал швы. Ничего.

Он поднял глаза. Ноутбук уже загрузился, рабочий стол был чистым. Обычно — иконки, папки, ярлыки. Но сейчас на нём появилась новая папка. Жёлтая иконка. Название — «ПРОСМОТР». Все буквы заглавные. Он не создавал её.

Егор уставился на экран. Папка была создана сегодня. Время — 8:47. В то же время, когда он стоял на лестнице и смотрел на тело Виктора. Когда он был за дверью, в коридоре, с полицейскими. Кто-то был в его квартире. В это время. В 8:47.

Он открыл папку. Внутри — те же файлы, те же даты, те же фотографии. Его папка «204». Все досье. Все улики. Семь смертей. Приписка. Всё на месте. Только название изменилось. И дата создания.

Кто-то заходил в его компьютер. Пока его не было. Пока он стоял на лестнице и смотрел на тело Виктора. Кто-то был в его квартире.

Егор встал. Резко, отодвинул стул. Ножки заскрежетали по линолеуму, оставляя белые следы. Он обернулся. Проверил комнату — кухня, ванная, спальня, коридор. Пусто. Дверь заперта. Замок цел. Он проверил окна — закрыты, шпингалеты на месте. Никто не входил через окно. Никто не ломал дверь.

Но кто-то был здесь. Он провёл рукой по столу, по клавиатуре. Клавиши были тёплыми — ноутбук работал недавно. Чужие пальцы касались этих клавиш. Чужой запах — он принюхался. Пахло мылом, дешёвым, с резким запахом, и чем-то ещё — табаком. Или духами. Он не мог различить.

Егор вернулся к столу. Сел. Закрыв папку «ПРОСМОТР». Провёл рукой по лицу. Пот выступил на лбу, на висках, он вытер его рукавом футболки. Ткань стала мокрой.

Он снова открыл папку. Пролистал файлы. Всё на месте. Его досье. Фотографии. Семь смертей. Приписка. «Все цели достигнуты». И внизу, под припиской, появилась новая строка. Он не видел её раньше. Там было написано: «Следующий — 28.02.2026». И его имя. Серебряков Е.П.

Егор сидел, не двигаясь. Компьютер гудел, снег за окном пошёл снова — мелкий, колющий, бил в стекло. В тишине он слышал, как стучит его сердце. Громко, неровно, с перебоями. Кто-то был здесь. Кто-то знал, что он нашёл папку. Кто-то оставил ему сообщение.

«Следующий — 28.02.2026».

Он закрыл ноутбук, встал, подошёл к двери. Проверил замок. Открыл, закрыл, снова открыл. Всё работало. Никаких следов вскрытия. Он повернулся и посмотрел на потолок. Над ним — квартира 6. Пустая. С мерцающим светом в окне по ночам. Он не знал, кто там. Но знал, что кто-то был. Кто-то, кто умеет открывать двери без ключа.

Егор убрал ноутбук под кровать, задвинул подальше, в пыльный угол. Потом сел на пол, прислонился спиной к стене, и смотрел на дверь. Ждал.

Снег стучал в стекло, и в тишине Егор слышал, как кто-то ходит на лестнице. Шаги затихли у его двери.

ГЛАВА 4

Шаги за дверью стихли. Егор сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и слушал. Тишина. Только снег стучал в стекло, да трубы в стене постукивали — старые, ржавые, с перебоями. Он ждал. Минуту, две, пять. Ничего.

Он поднялся. Ноги затекли, в коленях хрустнуло. Подошёл к двери, прижался ухом к дереву. Холодное, шершавое. Ни звука. Он медленно приоткрыл дверь, выглянул в коридор. Пусто. Свет с лестницы падал на пол серой полосой, пыль танцевала в воздухе.

Егор закрыл дверь, запер. Прошёл в комнату, достал ноутбук из-под кровати. Пыль осела на руках, он стряхнул её. Открыл крышку. Система загрузилась, и он снова увидел папку «ПРОСМОТР». Создана в 8:47. Время убийства. Время, когда он стоял на лестнице. Кто-то был в его квартире. Кто-то знал пароль. Кто-то оставил ему сообщение. «Следующий — 28.02.2026».

Егор закрыл ноутбук. Встал, надел куртку. Вышел в коридор, запер квартиру. Спустился на первый этаж, мимо квартиры 7 — дверь была опечатана, жёлтая лента с надписью «Место происшествия» перекрещивала проём. Запах крови ещё витал в воздухе, слабый, но всё ещё ощутимый. Егор прошёл мимо, не глядя.

Администрация находилась в соседнем здании, через двор. Снег хрустел под ногами. Небо было серым, тяжёлым, снег падал мелкой крупой, бил в лицо. Егор поднял воротник, засунул руки в карманы. Двор был пустым, только следы от полицейских машин на асфальте — чёрные полосы на белом.

Он вошёл в администрацию. Вестибюль пах казённым холодом, лизолем и старой мебелью. Охранник сидел за стойкой, смотрел в телефон. Поднял голову: «Егор? Ты чего рано?» «Работа», — бросил Егор и прошёл к лестнице.

В подвале было тихо. Сервер гудел ровно, монотонно. Вентиляторы работали без перебоев — кто-то починил их за ночь. Или они сами восстановились. Егор не знал. Он сел за стол, подключился к системе. Пальцы дрожали, он с трудом попадал по клавишам.

Логи. Он открыл журнал доступа. Вчерашний день, его вход в 20:15. Потом ничего до 8:47 сегодня. 8:47 — кто-то открыл папку «204». IP-адрес — с его машины. Из его кабинета.

Егор замер. Кабинет у него был один. Он работал в нём один. Никто не имел доступа. Кроме него. И уборщицы, которая приходила по утрам — женщина по имени Зина, с тележкой и ведром. Она мыла полы, вытирала пыль, иногда включала компьютер, чтобы послушать музыку. Но она не знала паролей. Или знала? Он оставил её в кабинете неделю назад, когда она попросила воды. Он вышел на минуту. Достаточно, чтобы запомнить пароль? Егор не знал.

Он закрыл логи. Встал, поднялся на первый этаж, нашёл подсобку. Дверь была открыта. Зина стояла у мойки, мыла тряпки. Вода текла, пар шёл, пахло хлоркой. Она обернулась — лет шестьдесят, круглое лицо, седые волосы, руки красные от воды.

«Зина, здравствуйте», — сказал Егор. Голос сел.

«Ой, Егор, ты чего такой бледный?» — она выключила воду, вытерла руки о фартук.

«Вы были сегодня в моём кабинете?»

Зина нахмурилась, задумалась. «Была. Утром, часиков в восемь. Полы мыла. Ты же не против?»

«Вы включали компьютер?»

Она замялась. «Ну... включала. Ты же знаешь, я музыку люблю. Там у тебя в плеере...»

«Кто-нибудь заходил в кабинет, пока я курил на улице?»

Зина посмотрела на него. Потом отвела взгляд, потупилась. «Был один. Мужчина. В сером пальто. Я как раз мыла в коридоре, он прошёл мимо, открыл дверь твою. Я думала, ты его ждёшь».

«Когда?»

«Ну, около полдевятого. Я ещё хотела спросить, но он быстро вышел. Минуты две, не больше. Дверь за собой закрыл. Я подумала — начальник, наверное. Строгий такой, высокий».

Егор сглотнул. Серое пальто. Незнакомец. Две минуты в его кабинете. Достаточно, чтобы открыть папку, переименовать файлы, оставить сообщение. Достаточно, чтобы скопировать всё.

«Вы его видели раньше?»

Зина покачала головой. «Нет. Первый раз. Я хотела спросить, но он быстро ушёл. Спустился в подвал, потом на улицу».

«В подвал?»

«Ну да. Я же говорю, быстрый был. Не остановился, не поздоровался. Дверь открыл и ушёл».

Егор повернулся и пошёл к выходу. Ноги несли сами. Он почти бежал по коридору, спустился в подвал, подошёл к своему кабинету. Дверь была открыта. Он зашёл. Всё на месте — стол, стул, компьютер, бумаги. Но на столе, на клавиатуре, лежал листок. Белый, из тетради в клетку, с ровными краями. На нём было написано от руки, синей шариковой ручкой, размашистым почерком:

«Не лезь, Егор».

Он схватил листок. Бумага была тёплой, ещё хранила тепло рук. Он перевернул его — обратная сторона чистая. Никаких следов, никаких отпечатков. Только буквы. Крупные, с нажимом, почти продавленные.

Егор замер. Незнакомец в сером пальто был в его кабинете. Он оставил листок. Он знал, что Егор придёт. Знал, что он полезет в логи. Знал, что он не остановится.

Егор сжал листок в кулаке. Бумага хрустнула. Он подошёл к двери, выглянул в коридор — пусто. Только свет лампочки дрожал, горел вполнакала. Он вышел, закрыл дверь. Пошёл по коридору к выходу. На стене, у лестницы, висела камера. Маленькая, чёрная, с красным огоньком. Работала. Егор посмотрел на неё. Камера смотрела на него. Он подошёл к стойке охраны, к тому же охраннику.

«У вас есть запись с утра?»

Охранник поднял глаза. «С какой камеры?»

«С подвала. И с коридора у моего кабинета».

Охранник помедлил, потом кивнул, открыл программу на мониторе. На экране появилось окно с видео. Чёрно-белое, с рябью. Охранник прокрутил. 8:45. Коридор пуст. 8:46. Тень, проскользнувшая вдоль стены. 8:47. Мужчина в сером пальто идёт по коридору. Лица не видно — камера сняла его со спины. Пальто длинное, серое, тёмное. Он останавливается у двери кабинета, открывает, заходит. Через две минуты выходит. Закрывает дверь. Поворачивается и идёт обратно, но лицо всё равно не видно — камера над дверью, угол съёмки направлен вниз. Видно только макушку, плечи, руки в карманах.

«Увеличь», — сказал Егор.

Охранник нажал кнопку. Изображение увеличилось, но стало зернистым. Лицо — размытое пятно. Только серое пальто, тёмные волосы, рост выше среднего.

«Останови», — сказал Егор. Кадр застыл. Мужчина стоял у двери, лицо скрыто тенью. Но Егор видел его руки. Белые, с длинными пальцами. Без перчаток. На безымянном пальце — кольцо. Тонкое, серебряное.

Он запомнил. Кольцо. Серое пальто. Высокий рост.

Охранник закрыл видео. Егор стоял, смотрел на монитор. Потом перевёл взгляд на листок в руке. «Не лезь, Егор».

Он вышел из администрации на улицу. Снег бил в лицо. Он стоял на крыльце, смотрел на двор, на дом 14, на окно своей квартиры. Свет горел. Он не выключал его.

Кто-то был в его кабинете. Кто-то оставил записку. Кто-то знал, где он работает, когда он уходит, как выглядит его стол. Кто-то следил за ним не только в квартире. И этот кто-то был в подвале. В сервере. В папке «204».

Егор убрал записку в карман. Пошёл через двор к дому. Снег хрустел под ногами, ветер задувал в лицо. Он вошёл в подъезд, поднялся на третий этаж, остановился у двери. Прислушался. Тишина. Он открыл дверь, зашёл.

В прихожей было темно. Только свет из комнаты падал на пол. Он прошёл в комнату. На столе лежал ноутбук — он его не оставлял. Он убрал его под кровать. Но сейчас ноутбук лежал на столе. Открытый. Экран светился. На нём была открыта папка «ПРОСМОТР». И ещё одна строка, которой не было утром.

«Ты не послушался».

Егор стоял, не двигаясь. Смотрел на экран. Холод пробежал по спине, от шеи до поясницы. Волосы на руках встали дыбом. Он обернулся. Проверил комнаты. Пусто. Дверь заперта. Окна закрыты.

Но кто-то был здесь. Пока он ходил в администрацию. Кто-то зашёл в его квартиру и открыл ноутбук. И оставил новое сообщение.

Егор сел. Руки дрожали. Он закрыл ноутбук, убрал его под кровать. Встал, прошёл в прихожую, проверил замок. Цел. Он провёл пальцами по двери — никаких следов. Кто-то открывал её без ключа. Или у него был ключ.

Он вернулся в комнату, сел на кровать. Смотрел на дверь. Ждал.

Тишина. Только снег за окном.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.